

Игорь Костюченко

Царский самурай

Роман-апокриф

Игорь Костюченко

Царский самурай. Роман-апокриф

«Издательские решения»

Костюченко И.

Царский самурай. Роман-апокриф / И. Костюченко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852470-7

Самурай Такуан должен был искупить позор рода, допустившего покушение на русского цесаревича, будущего императора Николая Второго, во время его посещения Японии. Самурай выполнил свой долг, став тенью Государя.

ISBN 978-5-44-852470-7

© Костюченко И.
© Издательские решения

Царский самурай Роман-апокриф

Игорь Костюченко

© Игорь Костюченко, 2017

ISBN 978-5-4485-2470-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Он бежал к соснам, вдоль горного ручья. По мху, пропитанному прозрачной и ледяной водой. Бежал, не щадя сил. Сердце разрывалось от невыносимой стремительности бега. Так спасаются от смерти. Когда она застает воина слабым. Врасплох.

Смерть мчалась следом. Три всадника – воины из личной охраны даймио Таори, восставшего против императора. Озираясь на бегу, беглец видел светлые кирасы преследователей с начертанными на них черными иероглифами – доспехи тосэй-гусоку. За плечами всадников развевались алые полотнища флагов-сэсимоно. Он слышал, как храпят за его спиной лоснящиеся обильным потом свирепые кони, как опадает в осоку пена с лошадиных морд. Но не было перестука копыт, дробивших прибрежную гальку. И грохота стальных лат тоже не было. И боевых ликующих криков. Всадники, словно летели над мокрыми травами. Такие явственные. Бесплотные, беззвучные, легкие, несмотря на обилие вооружения, сотканные из тумана. Один из них вознес над беглецом меч, низко пригнувшись к холке коня. Сверкнула золоченая личина самурайского шлема – маска ослепительно улыбающегося бодхитхармы. Меч со свистом резанул воздух, но беглец выскользнул из-под удара и успел метнуться к соснам.

Он долго петлял, как заяц, среди могучих древних деревьев. Погоня затерялась в лесу. И он успел выйти к маленькому озеру – беспокойному и наполненному до краев красной жижей, переливавшейся крутыми волнами, вскипавшей гейзерами. Он, не задумываясь, вошел в озеро. Потому что на противоположном берегу его ждали. Там, у замка с красной черепичной крышей – на углах золотые драконы, стояли князь Тода, отец, брат Мито и какой-то чужеземец: коренастый, в мохнатой шапке, с пышными усами и бородой клином – пришелец с севера, варвар из владений русского царя. Его короткий меч оправлен в чеканное серебро, прикручен к черному поясному ремешку. Длинный меч не похож на катану. Подвешен к поясу не по правилам – лезвием вниз, а не вверх, на левом боку на двух серебряных шнурах. Красное кимоно плотного сукна, странного покроя, украшено на груди двумя рядами круглых золоченых палочек.

Беглец поплыл к замку. Когда добрался до середины, над его головой засвистели стрелы. Преследователи гарцевали на берегу, осаживая горячих бешеных коней, и стреляли из луков, не спешиваясь.

Ни одна стрела не попала в беглеца. Он благополучно доплыл до берега. Вышел из красной жижи – не вода то была, а кровь – и не нашел на берегу князя Тода, отца, брата. Не нашел самурая с севера. Не было замка. Только руины. Рухнувшие балки догорали, истекая черным жирным дымом.

«Где? Когда?» – подумал Такуан, проснувшись в домике на окраине Кобе. Он вскочил, отирая лицо ладонями. Долго сидел, сгорбившись. Пока не вспомнил.

Как давно это было. Но было. Столько лет назад. Императорские войска потерпели поражение от восставших самураев княжества Сацума, которых возглавил хитрый, как лис, полководец Сайто Таори. Отец, не выдержав позора поражения, поспешил совершить сэппуку.

– Я видел отца. И князя. Брата Мито.

Женщина, проснувшись рядом с ним, попыталась подкрутить фитиль лампы, чтобы пламя вспыхнуло ярче. Но Такуан попросил:

– Пожалуйста, не надо света, Каору.

– Ты снова видел восстание.

– Да. Битва у ручья. Последняя. Мы спасались бегством. А я не смог смыть позор бесчестия. Поступить как отец.

– Но ведь на то была воля князя Тода. И ты, и Мито еще были совсем дети. Князь запретил сэппуку.

– Неправда, Каору, – мягко сказал Такуан, – в тринадцать лет самурай уже воин. Тебе ли не знать об этом?

– Что может знать о войне гейша? Только то, о чем ей расскажет возлюбленный.

– Конечно, лучше тебе ничего не узнать об этом.

Прошелестели седзи. Такуан отодвинул панель, оклеенную плотной промасленной бумагой. В саду у миниатюрного пруда, где плескался старый громадный карп, он расстелил циновку для медитации. Он должен был очистить мысли, чтобы узнать о том, какая весть была послана ему вместе с этим сном. Разгадать сокровенное. Бы ли сон вещим? Что означал? Он должен был размыслить о многом перед тем, как рассказать об увиденном престарелому князю Тода. Он мог быть откровенным рядом с учителем. Князь спас его и брата после поражения отряда отца в ужасной сече, приютил в своем лагере, заменил им с братом отца, когда тот отправился по пути славы, испытав поражение в сражении с войсками Сайто Таори. Отец сражался под знаменем императора Мейдзи во славу японского императора. Но что есть слава? Долг чести и мести? Звучный и пустой грохот, подобный удару гонга, призывающего на битву? Кровавый и мучительный сон, раздирающий сердце сомнением. Ярость битвы и кротость, милосердие? Одно исключает другое. Зачем князь Тода на два года посылал Такуана в Токио внимать проповедям русского епископа Николая, настоятеля тамошнего православного храма? Чтобы заставить кровоточить сердце и душу Такуана? Во имя чего?

Русская речь в порту мешалась с английской. Петербургские щеголи-гвардейцы до хрипоты спорили с хладнокровными британцами о породах скаковых лошадей. Письмоводители министерства финансов Российской империи ловко выведывали у лондонских коллег важные для игры на биржах сплетни Уолл-Стрита – на рассвете апрельского дня 1891 года катер парохода «Память Азова» доставил в японский порт Кобе пеструю толпу.

Гражданские, военные, флотские, дворцовые чины сошли на берег по надобности казенной. Каждый со своим поручением. Визит августейшей особы в дружественную соседнюю державу – не шутка. Многое следует предусмотреть, приготовить, уточнить. Чтоб не вышло промашки, конфуза в международных отношениях. Но если особ царственных не одна, а целых две, то тут уж и хлопот вдвое больше. А то и вчетверо. Наследника Российского престола Николая Александровича сопровождал в его зарубежном турне Наследник престола Греческого, британский принц Джордж. Или, как называли его русские на свой лад, князь Георгий. Для этих высоких особ, для блага двух империй старалась служивая братия.

Был среди чиновной публики и господин в черном люстриновом сюртуке. Съехал на берег под благовидным предлогом, но делами официальными в японском порту не рассчитывал заниматься ни минуты. К одиннадцати часам утра господин успел абонировать номер в лучшей гостинице европейского квартала. В полдень решился отобедать в крохотном японском ресторанчике на склоне горы, за древним каменным мостом, переброшенном в незапамятные времена через сухое русло реки Миното. Чинно восседавая за столом, едва прикасался палочками к рису с овощами, к лапше.

Обедал он не один, а в обществе рослого и вялого субъекта, лет тридцати пяти, с рыжеватой куцей бородкой, опрятно и модно одетого – стильные американские штиблеты, костюм тонкого английского сукна, стоивший не один десяток золотых империалов. Дородный молодчик с сонным лицом ел много, демонстрируя завидный аппетит, благо расплачивался за обед не из своего кармана. Платил за обед на две персоны господин в черном сюртуке. Палочками молодчик орудовал сноровисто, но чавкал и сопел. Хлюпал носом. Покончив с лапшой и курицей, он вытер жирные пальцы о спинку бамбукового стула, рыгнул, хлопнул себя пятерней по брюху и легко побранился по-русски. Дал понять тем самым – трапезу завершил. Господин, пригласивший упитанного молодца на обед, тогда облегченно кивнул, приказал слуге-японцу подавать чай, десерт и подумал, что никакая одежда не может скрыть вульгарных, грубых, несносных в приличном обществе повадок охотнорядца.

Чайный столик был сервирован по-европейски. На уютной террасе. Отсюда открывался великолепный вид на море, на молы, порт и рейд. Господин в черном сюртуке подливал в чашку густое, как сливки, молоко. Понемногу, расчетливо. Словно опасался ошибиться в дозировке. «Не молоко льет – отраву. Дрянь травяную. Ту, какой любят самураи потчевать бывших друзей», – с ненавистью подумал о своем кормильце охотнорядец. Молока он не вкушал. Зеленый чай в стоявшей перед ним чашке совсем остыл, он не отпил ни глотка, хотя изнывал от нестерпимого зноя и часто смахивал несвежим платком пот с низкого лба.

Господину в черном, казалось, японская жара была нипочем. Люстриновый, плотного сукна, сюртук берег его от зноя? Шейный платок батистовый, наверхенный вдвое? Пикейный жилет под сюртуком? Ни дать, ни взять – в извоз оделся. Ан, гляди-ка, ничего ему не делалось. Бодр, свеж. Как нежинский малосольный огурец.

– Череп, а? – сказал любитель молока по-русски с акцентом, слабо коверкая некоторые согласные звуки, щелкнул полированным ногтем мизинца по тончайшему – бумага! – фарфору. – Шестьдесят процентов кремнезема! Это вам, батенька, не семьдесят севрских. А про саксонцев я уж и говорить не желаю.

Охотнорядец, насытившись, держался с почтением. Несмело крутил пуговицу жилетки и злобно наблюдал за тем, как его визави прихлебывал бурый обжигающий напиток. Разум охотнорядца мутился. Мысли разбегались. Еще немного, и – доконает жара. Чаепитие, черт бы его побрал! Сейчас бы водки стакан. С ледника. Смирновской. Номер один. Да по куску льда к обоим вискам. Славно! А чай этот басурманский... Нет, увольте, чаек пусть желтолицы нехристи хлещут. Им сподручнее. С молоком ли. С маслом, салом. А то еще и с солью. Боже, мерзость-то!

Тонко пропел фарфор. Господин в люстриновом сюртуке любовался чашкой, откинувшись на спинку плетеного шезлонга. Неторопливо взметнул к бамбуковой крыше ресторанного навеса перст:

– А глазурь-то, глазурь?! Янтарь, сущий янтарь!

Он вновь нежно коснулся чашечки мизинцем. Со значением добавил, будто приоткрывал сокровенное.

– Секрет глазури неведом. Не разглашается.

– Ну и чё из того? – утираясь платком, как после парной, пробурчал потный молодец. Люстриновый сюртук оглянулся.

– В глазурь японцы добавляют...

Помолчал, подумал. Долго смотрел на корабли в морской дали. Молодчик напрягся.

– Душу не рвите.

Тихая улыбка скользнула по устами любителя молока.

– Уран. Для приятности оттенка.

– Тыф... – едва не сплюнул в сердцах распаренный господин. Но, оглядевшись вокруг, не посмел. Слишком уж чисто было на террасе. Ни соринки, ни пылинки на бамбуковом полу. Испоганить чистоту – грех.

– Думал, о деле вы, а тут... пустое...

– О деле и толкую, сударь, – сказал сюртук.

– Фарфор при чем? Денег нету. Все на дело ухлопали, что выдано. На какие такие шиши фарфор будем покупать-то?

– А не следует покупать, сударь. Ничего. И никого.

Любитель молока потер твердые ладони – одна о другую, как точильным камнем проскрежетал.

– Мыслите, сударь... э-э-э... прямолинейно... Прискорбно. Я образно желал преподнести... Чтоб в голове вашей... э-э-э... улеглось... Все дело в глазури. Фарфор хрупок. Но глазурь сообщает фарфору особенную крепость. И прелесть. Высший эмпирей.

– Толком-то сказать можно? А не огородами...

– Нам глазурь нужна, друг мой. Нечто такое, что могло бы придать делу некий оттенок. Приятный в отношениях. Для лиц, имеющих интерес в нашем успехе. Вот Сайто Таори, к примеру. Корабли на горизонте. В линию. Трубы дымят. «Память Азова», «Адмирал Нахимов», «Владимир Мономах». Какое, кстати, водоизмещение у них, ведомо?

– Надобно будет – узнаем. За особую плату, конечно, – дернул покатым плечом детина.

– Почти по шесть тысяч тон каждый.

– Большие корабли.

– Японские им в подметки не годятся. Могли такие большие корабли доставить одного человека? Из Кагосимы. Этого Таори, к примеру. Могли. Чем вам не глазурь? Нанести ее на сосуд. Как подобает мастеру. Выгорит дельце. Сможете ввести слух о Таори в уши вашему подопечному?

– Смогу.

– Чудесно. Действуйте.

– Так, значитца, следует сказать ему, мол, русские корабли привезли в Кобе самого главного бунтовщика Таори. Из Кагосимы. Того самого, коего проклинал японский микадо.

– Правильно. Наконец-то вы, друг мой, усвоили урок с первого раза.

– Погодите-ка. А что, разве Таори еще жив? И зачем вам этот пропащий инородец?

– Вам-то какое дело? Лавры Лафайета грезятся? Или Костюшки? Япония вам не Америка, сударь, времен Вашингтона. Не место для революционеров. Особенно вашего типа. Снесут башку. Мечом. И баста. Самурай.

– Приятелей поминаете, – злобно и разочарованно просипел охотнорядец, словно на террасе был еще кто-то третий. А не только они двое. – Остереглись бы. Типун на язык. Ишь, грозить взялись. Мировая революция не за горами...

– Не будем дискутировать, друг мой. Каждый останется при своем мнении. Я вам плачу. И неплохо. Вы выполняете мои мелкие поручения.

– Хорошо. Я расскажу ему о Таори.

– Не забудьте вот что вставить при случае, друг мой. Русские привезли Таори, чтобы передать его в руки императорских властей. Он скрывался на Сахалине.

– Допустим. Наплести могу что угодно. А потом? Что будет после?

– А это уже не ваша забота, сударь, – жестко отрезал люстриновый сюртук, – Ступайте. Передайте ему новость сегодня же.

Молодец встал, подхватил котелок и трость. Поторопился выпалить скороговоркой:

– А деньжонок? За работу?

Любитель молока изумился.

– Деньжонок?

– Ну-с. Тысчонку-другую, лучше в британских фунтах... Прежнее потрачено... и у нас стеснение в средствах... в наличности...

Черный сюртук окинул молодца скорбным взглядом, процедил:

– Ступайте, сударь, не зарывайтесь. И вспомните по дороге. Есть способ доставить вас вновь на Охотскую каторгу. На круги своя. Так, кажется, поговаривали попы в тюремной часовне?

– Сон? Кровавое озеро?

Два округлых камешка – белый и черный – перекатывались в цепких, как когти беркута, пальцах старого владетельного князя Тода.

– И ты плыл к берегу, спасаясь от погони, Такуан?

– Да, учитель. Я плыл к замку. Но...

– Замок сгорел.

– Да. Откуда вы знаете?

Камешки перекатывались в старческих пальцах.

– Я тоже видел сегодня ночью этот сон, Такуан.

За прикрытыми рамами-седзи ветер пел в ветвях исполинской сосны, росшей во дворе замка со времен сегуна Иэясу.

– Не стоит много думать о прошлом, – сказал старый князь.

– Почему, учитель?

– Потому что огонь угасает, но не исчезает. Развороши догоревший костер палкой – внизу, под пеплом, всегда найдется уголек, который вновь породит пламя.

– Но огню нужна пища. Дрова, учитель. Иначе ему не возгореться.

– Человеку тоже нужна пища. Человек, как огонь. Не правда ли, сын мой...

– Боюсь, что я не совсем понимаю вас, учитель.

– Что же здесь непонятного, Такуан. Мы умрем. Наши тела исчезнут во прахе, но если мы пожелаем, наша смерть повлечет перевоплощения. Желание такого рода называется кармой. Мы потеряем тело, но карма сохранится. Если знаешь истинное, то зачем сожалеть о смерти? О прошлом? О тлене? Разве не так, Такуан?

– Да, учитель.

– Жаль, что теперь немногие еще по-прежнему понимают это. И твой брат Мито тоже не понимает. Ничего. Живет прошлым. И думает, что непрестанно вспоминая о былом и ветхом, верен императору Мэйдзи.

Старый князь поднял на Такуана взор. Его глаза были тусклыми и желтыми, неподвижными. Горящими. Как у горной рыси.

– Он уклоняется от пути. И сам не понимает этого.

– О каком пути вы говорите, учитель?

– О том, по какому идем и ты, и я. По нему шел твой отец. О пути самурая. О правильном пути. Наши предки завещали хранить верность императору. Но что значит быть верным микадо?

– Беззаветно выполнять приказы. И умереть во славу повелителя.

Подобие легкой улыбки скользнуло по устами князя.

– Умереть? Если ты крепок духом, это нетрудно. Быть верным императору значит не просто быть готовым погибнуть за него в любой миг. Труднее...

– Что? Учитель?

– Всегда труднее позаботиться о многих, чем о себе одном. О стране – особенно. А разве император не отец нашей страны? Он искренно желает блага каждому японцу.

– Он – повелитель.

– Да. А мы его слуги. И каждый из нас должен служить ему, помня о процветании Японии. Великие правления потомки помнят, когда страна насыщается благоденствием.

– Что могло быть благом для Японии? Завоевание Кореи?

– Ты молод, Такуан. Благо для страны – жить в мире с соседями. Почему я послал тебя учиться к епископу Касаткину в Токио? Чтобы лучше узнать будущего врага? Нет.

Вновь легко, словно сожалея о наивной доверчивости ученика, улыбнулся старый князь Тода.

– Чтобы ты лучше познал будущих друзей. В русской школе ты научился их языку и обычаям. Это тебе очень скоро пригодится. Я много думал о тебе, Такуан. Тебя ждут великие дела.

Князь помолчал. Он смотрел перед собой. Желтые огоньки, полыхавшие в рысских зрачках, угасали. Князь сказал:

– Мито не хочет понять: то, что было ценным вчера, сегодня не имеет цены. Он упорствует в своих заблуждениях. Я говорил с ним вчера. И Мито был непреклонен. Он одержим безумной идеей – Япония должна остаться закрытой для чужеземцев. Он утверждает: таков закон императора.

– Но так было раньше?

– Было. А ныне микадо открыл страну для иностранных держав. Мы должны жить в мире с сильными соседями. Императору не нужны враги. Он открывает страну для западных варваров, чтобы Япония стала сильнее. Мейдзи не слаб, но велик. Мито это невдомек.

Голос старого князя дрогнул, источая горечь. Камешки замерли в сухих, как рисовая бумага, пергаментных пальцах.

– Мито не слушал меня.

Взметнулась ладонь Такуана и зависла над поясом. Он опустил руку, внезапно вспомнив, что у его пояса больше нет меча. Императорский указ с недавних пор запретил самураям ношение двух мечей – короткого и длинного. И положить привычным жестом ладонь на гарду катаны было невозможно. Меч остался на подставке в скромном домике на окраине Кобе. Такуан тихо спросил, с трудом сдерживая гнев.

– Мито оскорбил вас, учитель.

– Нет. Он постоянно думает об отце. До сих пор не простил мне того дня у озера, когда я не успел помочь твоему отцу в битве и не взрезал после сечи свой живот. Твой отец поступил правильно. Но и я не ошибся. На мне нет вины. Мито всегда был дерзок. Противился моей воле. Убежал из замка, когда я решил послать вас обоих в школу русского храма в Токио.

– Вам не нужно оправдываться, учитель.

– Я не оправдываюсь. Мне жаль твоего брата. Ложь погубит его. Мито готов теперь мстить всем за гибель отца. И мне. И, может быть, императору. Он утратил Путь.

– Может быть, я попробую образумить Мито? Позвольте, учитель.

– Это будет очень трудно, Такуан.

– Но я попытаюсь?

– Хорошо. Попробуй остановить его. Хотя...

– Что, учитель?

– Теперь уже поздно. Мито не вернуть. Он ушел. Я вижу.

Желтые огоньки больше не озаряли княжеский взор. Лицо князя Тода еще суше казалось и стало совсем шафранным от ярких полос солнечного света, струившегося из-за ветвей сосны, посаженной во дворе замка во времена сегуна Иэясу. Князь бесстрастно прошептал, будто размышлял вслух:

– Говорят, русские корабли привезли с собой Сайто. Они укрывали его на Сахалине.

– Это правда, учитель? – тревожно спросил Такуан.

– Сайто давно мертв. Я стоял у костра, на котором предали пламени его тело. Скажи об этом Мито.

– Конечно, учитель.
– Впрочем, мы уже опоздали. Мито не вернуть. Он ушел. Он не поверит тебе. Я вижу.
– Мито?
– Он не верит мне, не поверит и тебе. Мито ненавидит меня. Он сказал: князь Тода – не воин. Мито погибнет, обесчестив навеки свое имя. Это его карма. Так будет, Такуан.

– Павел Петрович, миленький. Что выяснили? У губернатора? Скоро ли на берег сойдем? – обратился к жандармскому поручику Берендееву, офицеру охраны великого князя Николая Александровича, юный розовощекий блондин – мичман Рябушкин. Поручик только что вскарабкался по трапу на борт парохода «Память Азова», аккуратно расправил полы изящного, скроенного в мастерской лучшего петербургского портного, сюртука. Он вернулся из поездки на берег благодущный, навеселе. Игриво улыбался, рассматривая долговязую фигуру мичмана через сверкающую линзу зажатого в правой глазнице монокля. За плечами Берендеева синело Японское море. У широкой и пенной полосы волн тянулась стена скалистой суши – владения микадо, провинция Хиого.

Рябушкин с раннего утра томился у кормовой надстройки, пытаясь рассмотреть в мощный флотский бинокль страну хризантем, о которой столько было перечитано всякой всячины – отчетов членов Императорского географического общества, записок адмирала Путятина, статистических и военных справочников из библиотечного шкафа кают-компания. И в особенности романов французского сочинителя Пьера Лоти. Да и сам Рябушкин не был чужд изящной словесности. Имел некоторые знакомства в литературных кругах Северной Пальмиры.

В Петербурге мичман издал три поэтических сборника. На один из них был получен поощряющий отзыв одного из литераторов второй руки, служившего по папиному ведомству. Поэзию мичман любил той пламенной любовью, на которую способна душа двадцатилетнего романтика, еще недавно вкусившего сладостный яд мрачных строф Надсона. И встречи с Японией Митя Рябушкин ожидал, как встречи с возлюбленной, предвкушая восторг новых поэтических озарений. О, эти сады камней, золотые карпы в храмовых прудах и таинственные дзенские монахи, поучающие о пустоте вечности.

Ничего путного мичман в бинокль не разглядел. Так, пятна размытые, цветные. И дымка сиреневая. Разочарование, нетерпение и боль душевная грызли Рябушкина все утро.

– Что, Митенька, по гейшам небось соскучились? – скорчил притворно участливую гримасу Берендеев, не вынимая из глазницы монокля. Солнце било ему в лицо. Сияла алмазом стекляшка. Берендеев осклабился. От этого вынужденного бесшабашного оскала, превратившего лицо жандарма в маску древнегреческой комедии, вопрос поручика показался Рябушкину особенно наглым. Обидным. Саркастическим. За струнку живую тронул.

– Право, голубчик Берендеев, глупо. Гейши... Я так, просто, спросил. А вы сразу в кордебаталию... Мне что... Его императорское высочество, наследник Николай Александрович два раза справлялись. Как прибудете, приказано доложить. Когда же на берег сходить, Павел Петрович?

– Вам? – еще более иронично, и даже презрительно, спросил поручик.

– Мне? Что?

– Вам, что ли, доложить велено, Митя? Его императорским высочеством? – уточнил Берендеев.

– Нет, его превосходительству князю Барятинскому, – смутился Рябушкин, суетливо заталкивая за борт мундира бинокль. – А я поинтересовался... в целях... самообразования.

– Да бог с вами, мичман. Оставьте бинокль в покое. Мундир испортите. Будут вам гейши... Программа пребывания наследника согласована. Японцы в ажитации. Приготовления

последние. Пресса захлебывается от восторга. Визит августейшего гостя! Впервые за тысячу лет. Можете ознакомиться.

Берендеев сунул мичману пачку японских газет, писанных по-английски, и зашагал по палубе, справившись на ходу:

– Что его превосходительство?

– У себя. В каюте. Кофий только что откушали, – вдогонку радостно крикнул поручику Рябушкин.

Стальное вечное перо оторвалось от строки и зависло над четвертушкой веленовой бумаги, украшенной золотым обрезом и вензелем под императорской короной. Наследник Российского престола, цесаревич Николай Александрович перечитал только что написанное.

«Моя милая душка Мама. Снова пишу тебе письмо и надеюсь отправить его первым же фельдъегерем из Токио. После штурма пирамиды Хеопса, чудесных факиров и йогинов в Индии, великой китайской стены удивить нас с Джорджи будет весьма нелегко. Правда, наши моряки говорят, что Япония самая чудная страна на всем белом свете. Посмотрим. Последние дни много думаю о вас и о папа. Если папа считает, что мой брак с Аликс невозможен и что это путешествие позволит мне излечиться от этих мыслей, то он ошибался. Еще крепче и трепетнее думаю о ней, и все виденные мною красоты и чудесные страны, я не задумываясь отдам только за миг встречи с моей милой Аликс».

Он подчеркнул волнистым пунктиром последнее слово. Из открытого окошка иллюминатора в каюту сочилась соленая морская свежесть. Тихо шептались у борта волны Японского моря. Цесаревич Николай подумал о том, как стремительно исчезало настоящее. Убегало, превращаясь в прошлое, и каждая мелочь становилась такой многозначительной... Ах, эти волны. Пройдет время – тоже превратятся в воспоминания. Потом будут другие волны. Иного моря. И пробудятся другие мысли. Может быть, вспомнится и об этом письме дорогой и милой, и такой далекой маме, императрице Марии Федоровне, оставшейся в сумрачном Гатчинском дворце. Рядом с папой, хозяином Земли Русской. Она всегда рядом с ним. Как тень.

Его Императорское Величество Самодержец российский Александр Третий. Хозяин земли русской. Папа... Он всегда все решает и делает по-своему. Не терпит возражений. Но все равно он такой милый. И смешной. Огромный медведь из русских сказок. Суровый и справедливый. Тогда в Ливадии в июле, на отдыхе... Батюшка попросил шланг у садовника, подкрался и окатил меня с ног до головы водой. А когда я отплатил ему той же монетой и облил его, увлеченного чтением газеты, водой из шланга с террасы, папа зычно хохотал. Потом развел громадными ручищами, признал свое поражение. Обнял меня. И мы вместе пошли переодеваться к обеду, потому что на нас нитки сухой не было.

Папа... Он хмурился всякий раз, когда слышал об Аликс. И считал, что не может жертвовать династическими интересами. Будущий государь должен думать о Родине, о стране. О своем народе и его благе. Династический брак с каким-то захудалым Дармштатским герцогством Российской империи все равно, что пятое колесо в телеге. Иное дело – родство с Бурбонами. Чем не пара наследнику престола Елена Орлеанская, дочь графа Парижского. Россия укрепляет стратегическое партнерство с Францией. Миллионные займы. Военный союз. Сфера интересов. Сдерживание хищных пруссаков, рвущихся к господству в Европе, на Ближнем Востоке, во всем мире. Противостояние с Англией. Новые рынки, покровительство франко-русской торговле в колониях. Как всего много! Политика, капиталы, армии, флоты, благоденствие подданных. И никакой любви. Только холодный расчет. Жестокий мир, в котором нет места для Аликс. Для мечты.

...А в Петергофе на оконном стекле маленькой императорской дачи «Александрия» сверкают два вензеля – Николай и Александра. Принцесса Дармштатская, Аликс, начертала их бриллиантом своего девичьего колечка. Дождь лил целый день. Десять лет тому назад. И они

долго стояли у окна, выходившего в парк. Пока мама не позвала в столовую – вся семья уже собралась полдничать: родители, братья и сестры, тетя Элла, гостившая в Петергофе со своим мужем великим князем Сергеем Александровичем. Николаю было тогда шестнадцать, Аликс – двенадцать. Дети? Почти.

Вечером того дня он рассказал о своих чувствах к маленькой Аликс, об этом удивительном окне в сад, о вензелях, начертанных алмазом, сестре Ксении, просил совета. Он боялся, что Аликс вскоре уедет, и он потеряет ее навсегда. Аликс забудет о нем. Ведь Дармштат так далеко. Тысячи верст. Годы разлуки. И еще сам папа решительно настроен против их брака. Ксения подсказала: надо сделать подарок Аликс. Подарить что-нибудь ценное, чтобы лучше вспоминалось прошлое. Что? Ксения недолго раздумывала. Перстень. Или кольцо. Браслет. Лучше с бриллиантами, с платиной. Чем дороже, тем лучше. Дорогие вещи берегут. Но где взять драгоценности? На карманные деньги бриллиантов не купить. Разве просить маму?

И он просил у мамы брошь с бриллиантами. Императрица не спрашивала – зачем ему понадобилась дорогая вещица? Она только обняла его, заметив, что в его глазах блеснули слезы:

– Мой бедный мальчик!

Протянув брошь в атласной коробочке, сокрушенно прошептала:

– Ники! Но ведь она держится, будто аршин проглотила.

Брошь он подарил Аликс после бала. Она приняла драгоценность. Но вскоре вернула. Снова на детском балу, на другой день. Просто всунула ему брошь в руку. Когда они танцевали мазурку. И застежка больно уколола его ладонь. Капелька крови осталась на его платке. Тот платок он хранил бережно. Среди самых дорогих вещей. Аликс не сказала ему ни слова – почему она поступила именно так. Гордость? Презрение? Он мучился догадками. И решил, что поступил недостойно. Не нужно было выпрашивать драгоценностей. Лишнее. Брошь он отдал после бала сестре Ксении. Искренне, долго корил себя, сокрушался, что последовал совету сестры. Если любовь настоящая, то к чему драгоценности? Пустое.

Нет, он все написал правильно. Так подсказывало сердце. А оно не ошибается. И пусть мама знает, что значит для него Аликс. Что он думает о ней даже здесь, на краю земли, у берегов таинственной Японии.

Николай обмакнул стальное вечное перо в чернильницу. Пусть знают все. Он откажется от любой партии, его рука принадлежит только Аликс. И пусть передадут это папе. Перо прикоснулось к листу бумаги. Начал фразу с красной строки. Решительным, твердым почерком.

«Теперь прощай моя милая душка Мама, обнимаю тебя, дорогого Папа, Ксению, Мишу, Ольгу. Да хранит тебя бог. Твой Ники.»

Запечатав конверт, Николай нажал кнопку вызова дежурного офицера. Но вместо офицера охраны на пороге каюты появился Джорджи. Он небрежно и весело помахивал газетой.

– Ники, эврика! Погляди-ка, как чудно мы проведем наш файф-о-клок!

Джорджи развернул газетный лист. Газета была японской. Но на английском языке. Джорджи ткнул пальцем в напечатанное броским шрифтом в самом низу, под колонкой светской хроники, объявление – «Наслаждения Востока. Приятные беседы для джентльменов. Сегодня и всегда. Европейский квартал».

– Откуда это у тебя, Джорджи? – с интересом спросил Николай.

– Наш тихоня презентовал. Представь. Мичман.

– Рябушкин?

– Угадал. Прогуливаюсь по верхней палубе. Чайки. Бриз. А тут он. В газету уткнулся. Ничего не видит вокруг, идет. За борт ухнул, если б не я. Столкнулись. Чем, спрашиваю, мичман, увлекаетесь? Он мне и протянул газетку. А там афишка. Поручик Берендеев, говорит, рекомендовал.

– И что же там такого замечательного, Джорджи?

– А вот выберемся сегодня вечером в Кобе – узнаем. Но рекомендации лестные. Танцы гейш, музыка для услаждения души. И, заметь, Ники, тела. Я навел справки.

Николай с интересом посмотрел на британского принца. Раскрыл портсигар, предложил папиросу Джорджи. Закурили. Наследник российского престола сказал:

– Гм, любопытно. Но у кого же ты навел справки, Джорджи? У Митеньки Рябушкина?

– Ну-с, признаюсь тебе, Ники, не столько у него... – лукаво усмехнулся Джорджи. Николай покачал головой, затягиваясь папиросой.

– Мичман неплохо осведомлен. В подобных-то вещах. Диво для его папеньки. А на вид совсем дитя.

Отца мичмана Николай Александрович хорошо знал по работе в комиссии поощрения железнодорожных дорог. Тайный советник Иван Васильевич Рябушкин был прикомандирован из штата Министерства иностранных дел. Суровый и властный старик Рябушкин явно не одобрил бы шалостей своего единственного сына. Тем более во время ответственной заграничной командировки.

– Еще там делают прекрасные татуировки. Цветные. Волшебные. Больше таких нигде не сотворят. Драконы, рыбы, морские твари. Иероглифы!

– Неужели?

– Клянусь. Поручик Берендеев ручается. В Лондоне теперь это так модно. Татуировки в цвете. Э-э, Ники, но где же твое вдохновение? Я вижу, ты равнодушен. Холоден, как лед.

Джорджи небрежно стряхнул пепел на персидский ковер и разочарованно проронил, указав на запечатанный конверт с письмом для императрицы Марии Федоровны.

– Послание мамочке. Снова мечты о ненаглядной Аликс.

Николай обернулся к принцу. Поперхнулся табачным дымом, кашлянул. Виновато улыбнулся – допустил непростительный гаф. Сказал, открыто и прямо глянув на британца.

– Да. Я писал матушке об Аликс. Как обычно.

Джорджи вздохнул. Торопливо примял указательным пальцем папиросу в золоченой пепельнице.

– Прости, Ники. Но... если ты вздумаешь все-таки составить нам компанию... буду искренне рад. Мы съедем в Кобе вечером. Доктор Бэнс. Наш ловелас Рябушкин, твой покорный слуга. Поручик Берендеев. Он, кстати, берется все устроить тихо и без лишней огласки. Втайне от нашего цербера – старика Барятинского. Так ты поедешь с нами?

– Спасибо, Джорджи. Я подумаю.

– Подумай, Ники. Приключение обещает быть занимательным. Здесь ты совсем от тоски завянешь.

Британец помедлил. Но потом прибавил. Всерьез.

– А ведь сердечные страдания уменьшают жизненный магнетизм ровно на треть. Слово джентльмена.

– Кто тебя надоумил? – улыбнулся Николай.

– Доктор Бэнс, – округлил прекрасные серые глаза Джорджи. Изумляясь. В его голове никак не могла уместиться элементарная догадка: оказывается, не все еще люди на Земле доверчиво внимают откровениям эскулапа и медиума, главного хирурга британского посольства в Петербурге сэра Джекоба Бэнса.

– Хорошо, Джорджи. Я же сказал, что подумаю.

Николай схватил письмо для императрицы. Озабоченно шагнул к двери.

– Но где же дежурный офицер? Надо бы послать письмо сегодняшней почтой.

Сямисен пел о временах года. Девушка в кимоно, расшитом нежными серебряными георгинами, едва касалась струн, порождаявших каскады звуков. Вот пришла весна. Расцвела сакура, в ее ветвях защелкал на вечерней заре соловей. Весну сменило лето. И у пруда зазвучало.

чали мириады крыл мотыльков. Прозрачных, слюдяных. Застучал дробным перестуком дождь по зеленым листьям, а в горном ельнике отозвалась кукушка. Рев тигра – осень. Загорелась стальная звезда над голыми полями. Лезвием самурайского меча взрезала черную высь луна, острая, ослепительная. Одинокая. Последняя щемящая нота повисла в тишине. Умолк сямисен. Девушка, не вставая с места, поклонилась гостям до земли. Прижала набеленный лоб к циновке. Так замерла. Неподвижным камнем. Потом снова подхватила инструмент. Она выпевала старательно теперь древние изысканные стихи. Пела о шелесте шелков придворных дам, о встречах любовников на садовых тропинках под седыми соснами, о грохоте копыт боевых коней. О благородстве и низости. О возвышении и падении царственного дома Тайра.

Поручик Берендеев попробовал кое-что перевести на русский великому князю Николаю Александровичу из того, о чем пела девушка в серебристом кимоно. Толмачом Павел Петрович оказался посредственным. Обрывал фразу на полуслове, щелкал пальцами, хватал воздух ртом. И был в этот момент, так решил про себя мичман Рябушкин, похож на выброшенного из пруда карася. Доктор Бэнс подсказывал жандарму перевод трудных для поручика японских идиом. Павел Петрович благодарно прижимал ладонь к сердцу, не обращая внимания на снисходительно-вежливую улыбку наследника Российского престола. Когда Берендеев особенно яростно защелкал жесткими пальцами, Николай мягко тронул его за рукав и поблагодарил за труды. Оборвал он услужливого Павла Петровича вовремя. Вновь замолк сямисен. И девушка вновь склонилась перед гостями в низком поклоне.

– Чудесно, – выдохнул принц Джорджи, отчаянно выкручивая обтяжную пуговицу тужурки. Крутил он ее с таким пылом, что мичман Рябушкин подумал: музыкой принца не проймешь. Заскучал. Не за балладами он наведалься в уединенный, для усадьбы предназначенный домик в тихом и отдаленном от порта квартале Кобе. Оно и понятно, увертюра затянулась. Эвон, в Мариинском театре таких продолжительных вступлений избегают-с. Публика чего доброго зашикает, освищет бенефис. Безусые корнеты гауптвахты не побоятся, рванут прямиком из партера за кулисы да устроят конфуз дирекции. Без стеснения убранного звездами да лентами орденовыми генералитета в ложах.

– Замечательно, – согласился с британским принцем Николай. – Столько грусти. И высокого искусства. Наверное, надо долго учиться, чтобы овладеть этим инструментом.

– Не сложнее нашей балалайки будет, – сердито заметил по-английски Берендеев, обиженный тем, что наследник прервал его потуги блеснуть познаниями в японской словесности.

– О, балалайка! Бьютифул! Но что же дальше? – Джорджи нетерпеливо повернулся к доктору Бэнсу. А тот с явным раздражением взглянул на Берендеева. Поручик хлопнул в ладоши.

Неслышно ступая, появился пожилой и седой, как лунь, японец. Кукая, в три волосинки борода. Неброский коричневый халат с подвернутыми полами. Он кланялся, переломившись пополам, выставив перед собой кедровый полированный ящик. Что-то быстро говорил по-своему, и лысина его моталась вверх-вниз. Как бильярдный шар на веревочке.

Японец уселся перед гостями. Подозвал девушку повелительным коротким жестом. Та приблизилась на коленях, не вставая. Открыла ящичек и подала старику обернутую шелком трубку. Японец еще раз поклонился каждому из гостей. Беззвучно, как тени, появились и расселись полукругом рядом с девушкой, игравшей на сямисене, еще три юные японки. Лица выбелены, разрисованы тушью и белилами, нарумянены. Все в ярких, шитых золотом и серебром по шелку, одеждах, перетянутых пунцовыми поясами. Старик отрывисто сказал что-то. Непрестанно кланяясь.

– Почтенный Хэйхо-сэнсэй спрашивает может ли он предложить высоким гостям то, за чем они пожаловали под сень его приюта. Его искусство очень древнее, принадлежит роду. Он унаследовал его от отца, а тот от деда, – аккуратно, стараясь передать все оттенки смысла, перевел доктор Бэнс.

– О, непременно, – нетерпеливо приподнялся со своего места на подиуме принц Джордж, впиваясь цепким взором в сидевших полукругом румяных красавиц, – и прикажите подать этого вашего подогретого виски.

– Саке – рисовая японская водка, сэр? – почтительно уточнил доктор Бэнс.

– Да-да, саке. И покрепче. Как ты полагаешь, Ники? Побольше, не повредит? Да? – обратился к Николаю Джордж.

Николай вежливо улыбнулся. Саке? Если Джорджи так уж не терпится вкусить тутошних радостей, то почему бы и нет? Но он, Николай, уже и без японской водки был почти пьян. От музыки. От древних стихов. Этот напев, гортанные мелодичные катрены, так кратко, емко, явно соткавшие из звуков целые полотна, к которым нельзя было прикоснуться, но которые можно было слышать. Какое чудное ощущение! Ничего подобного он не переживал в свои двадцать пять лет в Петербурге. Будто душа раскрылась. Наполнилась простором, ширью, смутной грустью и ясной печалью.

– Кстати, пока не поздно, объясните, Бэнс, – поинтересовался Джорджи, игриво поглядывая на девушек, – о каком искусстве сказал этот старик?

Доктор перевел вопрос принца японцу. Тот поклонился, прижав свиток, полученный от девушки, игравшей на сямисене, к сердцу, заговорил степенно. С достоинством.

– Сущность его искусства состоит в нанесении цветных рисунков на тело человека, – предельно точно перевел доктор Бэнс. Японец сказал еще что-то. Бэнс хотел перевести, но его бесцеремонно перебил Берендеев.

– Сейчас старик нам картинки покажет, ваше императорское высочество, – пояснил Берендеев, обращаясь только к Николаю Александровичу. Будто британцев здесь и в помине не было, – Ишь ты, что сиделец в Апраксином дворе. Товар лицом показывает. Того гляди, за полу ухватит.

Японец запричитал. Крикнул отрывисто сидевшей рядом с ним девушке. Николай вопросительно посмотрел на Бэнса. Доктор приложил ладонь к уху, словно был глуховат и плохо расслышал то, что сказал старый мастер. Берендеев кашлянул.

– Простите, Павел Петрович? – умоляюще простонал Рябушкин, потрясая записной книжкой. Николай Александрович покровительствовал юноше. Брал его с собой во все поездки – официальные и неофициальные. Так побывал Митя Рябушкин и у пирамид Египетских. И на Ниле. И на острове Мадагаскар. Любовался пагодами Китая и Кохинхины, джонками на Суматре, плантациями манго. И везде, путешествуя рядом с наследником престола, записывал Рябушкин впечатления. Вот и сейчас застыл он с поднятым карандашом. И с немым вопросом в очах. Испугался Митя, что упустил важное. Берендеев кашлянул еще сильнее. Потер ладони и пробормотал:

– Что-то водки не несут, черти?

Японец меж тем бережно и торжественно развернул свиток. Рисунок был выполнен тушью. Быстрая и точная кисть изобразила самурая в полном боевом облачении. Рогатый шлем с оскаленной маской, кираса с непонятным иероглифом. Удерживая вздыбленного разъяренного схваткой коня, воин возносил для удара копье. Всадник стремился поразить гигантского змея, покрытого золотой чешуей. Змей опоясывал круп коня, его шею, перехватывал гибким, непрестанно скользящим телом конские ноги и вгрызался в собственный раздвоенный хвост.

– Почтенный Хэйхо-сэнсэй спрашивает, понравился ли высоким гостям этот рисунок? – спросил Николая и Джорджи доктор Бэнс. Британский принц неопределенно помахал рукой, оживляясь – служанка принесла сосуд, наполненный саке. Сосуд приняла у нее одна из девушек, сидевших рядом с мастером татуировок. Она же стала церемонно наполнять чаши.

– Чудный рисунок, – сказал Николай, – святой Георгий побеждает змия. Зло сокрушено. Прелестно. Мысль, понятная всем. Не так ли, господа?

Доктор Бэнс старательно переводил. Когда старик услышал смысл сказанного Николаем, он вновь гортанно выкрикнул, взмахнул руками и прикрыл ладонями лицо, изображая охватившее его смущение. Мастер быстро заговорил, не отнимая ладоней от лица.

– Провокация, Николай Александрович, – угрюмо сказал цесаревичу Николаю поручик Берендеев. Извинившись по-французски, Павел Петрович степенно взял из рук изумленной японки сосуд, наполнил водкой чашку побольше, выпил залпом. Провел по усам указательным пальцем. И тем же пальцем погрозил старику:

– Шалишь, брат, шалишь.

– Павел Петрович? – попробовал урезонить поручика педантично преданный субординации мичман, но поручик только еще раз внушительно помахал пальцем перед носом превратившегося в изваяние японца. Доктор Бэнс сказал по-английски:

– Почтенный Хэйхо-сэнсэй удручен тем, что показал вам этот свиток. Ему не следовало это делать.

– Почему? – изумились в один голос Николай и Джорджи. Бэнс пожал плечами.

– Видите ли, ваши высочества, на рисунке был изображен...

– Демон, – отрезал поручик Берендеев.

– Ха, выдающаяся глупость! – беспечно хохотнул Джорджи. Но доктор Бэнс заговорил серьезно и озабоченно.

– Да, действительно. Всадник с копьем – не святой Георгий. Это демон смерти, разрубающий кольцо вечной жизни. Мотив татуировки очень популярен в определенных кругах. Например, среди японских моряков. Торгового флота Окинавы.

Берендеев скептически хмыкнул при этих словах доктора. И немедленно опрокинул в себя еще одну чашку саке.

– Вот как? Что вы говорите? – Николай Александрович заметно побледнел. Старик-японец снова быстро-быстро заговорил, повалился на циновку. Обхватил свой голый, выбритый до синевы череп обеими руками, словно кто-то намеревался хватить по нему дубьем.

– Так суждено свыше! Благословенна милость Неба за счастье, о котором не мог помыслить старый Хэйхо. Опасность витает над твоей головой, но смерть отступит, и трость будет сильнее меча, и трость засияет блеском, – причитал старец. Он повалился на бок. Не переставая выкрикивать гортанные фразы. Доктор Бэнс спешил перевести все.

– Что? Что он говорит? – испуганно вскричал Николай. Он привстал со своего места и, казалось, жадно следил за каждым движением японца. А тот бился в конвульсиях. И кричал. Кричал. Словно дикая боль резала его сухое жилистое тело. Доктор Бэнс тоже кричал, едва успевая за речью мастера и не обращая теперь никакого внимания на изящность перевода. Зашуршал шелк – девушки-японки, прикрыв лица рукавами в знак печали, покинули зал.

– Два венца суждены тебе – земной и небесный, – пророчил японец, – Играют... играют..

– Что он говорит? – неустанно повторял Николай.

– Самоцветные камни играют на короне твоей, владыка могущественной державы. Но слава мира проходит, и померкнут камни на земном венце, сияние венца небесного пребудет во веки. Великие скорби и потрясения ждут тебя и страну твою. Ты будешь бороться за всех, и все будут против тебя. На краю бездны растут красивые цветы, дети рвутся к цветам и падают в бездну, если не слушают предупреждений отца. Ты принесешь жертву за весь свой народ, как искупитель за его безрассудства...

Японец замер. Словно жизнь покинула его. Совсем. Навсегда.

– Он умер? – Николай испуганно посмотрел на Джорджи. Британский принц озадаченно крутил головой, дергал себя за мочку правого уха, будто пытался вывести себя таким нехитрым способом из состояния протрации. Джорджи вскочил и тронул запястье японца.

– Вы это так делаете, Бэнс?

– Что именно, ваше высочество? – осведомился доктор.

– Пульс. Мне кажется. Он вполне жив. Обморок. Взгляните.

Бэнс прислушался, наклонившись над телом японца.

– Совершенно правы, ваше высочество. Обыкновенный обморок. Или что-то вроде того. Подобное состояние наблюдается у якутских шаманов. После выхода из транса. Случай аналогичный.

– Надеюсь, эта глупая выходка не испортит нам вечер? – спросил принц Джордж, взглянув на поручика Берендеева. Жандарм меланхолично расправился под шумок с очередной чашкой саке, вытер мокрые усы. Крякнул.

– Разумеется.

Берендеев взял палочку и ударил в маленький бронзовый гонг, висевший над входом.

– Может, нам куда-нибудь в другое место отправиться? Ваше императорское высочество? – жалобно прошептал мичман Рябушкин.

– Что скажете, Павел Петрович? – спросил Берендеева Николай.

– Как вам будет угодно, ваше высочество. Здесь тоже совсем неплохо.

– Полагаете? – цесаревич тревожно следил за тем, как двое расторопных слуг уносили из зала бесчувственного мастера татуировок.

– Вполне, Николай Александрович, – уверенно отрезал, заметно покачнувшись, Берендеев. – Саке приличное подают. Обхождение. Ничего худого. Экзотика.

– А дамы? Где же дамы? – капризно перебил благоразумного поручика принц Джордж. Британец явно был расстроен массовым исчезновением девушек. Он забегал по комнате, запротестовал – потерял вечер, никаких развлечений. Пребывал принц в совершенном отчаянии. Он жестикулировал, как цыган на ярмарке, доказывая свою правоту сначала доктору Бэнсу, а потом и цесаревичу Николаю. Рябушкин даже подумал, что он никак не мог ожидать такого буйства от представителя туманного Альбиона: еще со школьной скамьи мичман был немало наслышан о невозмутимости, хладнокровии британцев, принимавших как должное любые житейские невзгоды. Цесаревич Николай смущенно улыбался, пытался шутить, но его робкие попытки водворить Джорджи хоть в какие-то рамки этикета оказались напрасны. Британец не слушал никого, он настаивал непременно покинуть ресторан и поискать другое заведение. Доктор Бэнс только вздыхал и с немым укором пронизывал поручика Берендеева испепеляющим взглядом. Но поручик уже успел хорошенько подзаправиться саке. Крепкий напиток действовал. Павел Петрович благодушно усмехался Бэнсу в лицо, без всякого политеса. А когда принц Джордж уже совсем перешел в решительную атаку, Павел Петрович позволил себе элегантно выкрутить фортель перед напудренным носом доктора и непринужденно заявить:

– Господа, да какого лешего! Местов, как песка в Самаре. Гейш навалом!

При этих словах Павел Петрович неистово икнул. От его недреманного ока отвалился монокль. Пронзительно зазвенев по бамбуку, стеклышко прокатилось к ногам доктора. Поручик не растерялся и резво ухватил монокль за шнурок. И... оказался припавшим к стопам сэра Джекоба, который не преминул исполнить долг джентльмена – попробовал помочь Павлу Петровичу удержаться на ногах. За что и был вознагражден Берендеевым порцией наполненного ароматом рисовой водки углерода. Его поручик выдохнул доктору прямо в аккуратные расчесанные бакенбарды. И словцо влил, как по заказу – сволочь.

Сказанное на свой счет доктор не принял, хотя кто-кто, а он-то, Джэкоб Бэнс, русскую речь изучил неплохо – уже шесть лет служил при британском посольстве в Санкт-Петербурге. Берендеев слишком крепко удерживал сэра Джекоба за лацкан сюртука. Догадливый доктор мгновенно сообразил: оторвать русского офицера от лацкана будет нелегко – кулаки у Берендеева порядочные. Да и апперкот в офицерскую почку на глазах у августейших особ мог скомпрометировать педагогическую систему Итонского колледжа. Простейший выход из несколько

двусмысленного положения, решил Бэнс, – поскорее выбраться на свежий воздух. А там, глядишь, ночная прохлада непременно остудит пыл Берендеева.

Мичман помог Бэнсу. Добродетельный Рябушкин, запрятав карандашик и записную книжку в карман, вспомнил гардемаринские обычаи Морского корпуса, поднырнул под руку Берендеева и ухарски протащил плотно скроенного поручика через порог – откуда только сила у хрупкого юноши-поэта взялась.

Тонкая стенка японского хлипкого домика еще вибрировала от потрясения, когда поручик, раскланиваясь перед одетыми в золоченные кимоно и умопомрачительно набеленными дамами, взмахнул обеими руками. Так отчаянные пловцы размахивают, прежде чем броситься в омут. Но плавать в квартале чайных домиков было негде. Не в сточной же канаве нырять, право! Павел Петрович потащил всю компанию дальше, по одному ему известному маршруту, в лабиринт строений, туда, где громче всего звучали цитры и раздавался игривый женский смех.

Поручик увеличивал темп ходьбы. И вскоре помчался по кривым переулкам гигантскими прыжками. Он то и дело заглядывал в попадавшиеся на пути домики, рывками раздвигал рамы, если везло, и сиди не были закреплены задвижками. При этом из-под ног офицера иногда выпархивали невесты откуда взявшиеся перепелки. А в одном домике в Павла Петровича запустили деревянной сандалией. От нее поручик ловко увернулся плавным движением сумоиста.

Принц Джордж не отставал от Павла Петровича. За принцем спешил цесаревич – Николай Александрович по праву считался отменным спортсменом. И вечерний бег на свежем воздухе был для него отраден. Особенно после неловкого сидения на пятках. Заметно отставал от представителей царствующих домов доктор. Он задыхался, краснел. Но упорно стремился вперед, испугавшись, что нечаянно потеряет в этих трущобах его высочество принца Джорджа. Позади всех рысил Митя Рябушкин. Да, совсем иначе представлял себе мичман свое первое знакомство с Японией, чарующей страной хризантем и восходящего солнца.

Не мог мичман Рябушкин предполагать и то, что ровно через два с четвертью часа – если верить фамильному наградному хронометру фирмы «Буре», который вручил сыну при расставании в Кронштадском порту папенька Иван Васильевич – приключится ему остаться в полном одиночестве. Совсем одному. И никого вокруг. Ни души человеческой. Хоть кричи. Зови. Напрасно. Кругом – только черный сумрак японской ночи, прорезанный красными огоньками редких бумажных фонарей.

Афронт вышел. Как? Почему? Митя и сам в толк не мог взять. Вот только, казалось, сию минуту стояли они перед каким-то вполне на вид приличным, почти европейской архитектуры, строением. Павел Петрович уверял скептика-доктора, что название заведения – «Сад наслаждений» – вполне соответствует его внутреннему, так сказать, содержанию. И первыми отважно шагнули за порог «Сада» принц Джордж рука об руку с Берендеевым, а за ними доктор. Только он, Дмитрий Рябушкин, и цесаревич Николай Александрович постеснялись. Решили – на свежем воздухе лучше подождут, раз уж всем остальным невтерпёж отведать экзотических забав. А потом Мите и вправду приспичило. По малой нужде. Он отошел за угол. Но там ему поклонились две набеленные дамы с высокими прическами, из которых торчали громадные деревянные спицы. Про отхожее место спрашивать у дам мичман не привык. И пошел дальше. А потом еще дальше. Потому что везде слишком чисто было. Гадить в роду Рябушкиных испокон веку не умели. Митя прошел весь переулок. Свернул к недалекой роще. Пришлось перебежать через какую-то площадь. Попался на пути забор – перемахнул. И еще через один. За деревьями, которые он принял за рощу, притаился чей-то аккуратный двор. Намаялся славно. Устал бродить по закоулкам, пока не добрался до какой-то помойки и не справил дело. А тут уж и пути обратно не отыскать. Ночь. Не видно ни... Ничего, сло-

вом, не разглядеть. Одни звезды одиноко серебрились в черном небе, как гвозди на толстой подметке сапога поручика Берендеева.

Митя растерялся. Попал. Вот теперь уж точно пропал. Ни слова на местном наречии сказать не в состоянии. Ах, зачем не учил японского перед путешествием! За полтора рубля в книжной лавке Корфа мог бы отличный учебник приобрести. Если бы не растранижил деньги в кондитерской. Безе с кофеом захотелось. Гвардейский шик! Чего доброго дойдет теперь до консула, а там и по линии Министерства иностранных дел прокатит. Серебряный нож с монограммой и костяной ручкой, на которой были вырезаны два якута, обдирающие тушу оленя, представился Мите. Этим ножом папенька депеши вскрывает. Все. Без разбору. Папа – педант. Так цесаревич Николай Александрович папе говорил. И папа гордился тем. Как титулом. Нет, будут неприятности. Будут. И еще какие. Рябушкин отчетливо представил, как спишут его теперь на берег. И папа лет десять будет корить его за неблаговидный поступок. Так опозорить род. Сбежать с корабля и заблудиться. Ну. И что, заблудиться. Вон лейтенант Веретенников, у Игнатьевых разговор на рауте слышал, загулял в Париже с кокотками. И тоже отстал от броненосца. Так ничего. Простили. Еще и героем представлялся. Митя видел этого Веретенникова на балу в морском собрании. Катенька Эгельстром, дочь контр-адмирала, охнула, когда лейтенант появился под сенью колоннады. И ее милые, как две незабудки, глазки наполнились слезами. Черт побери, так то ж Париж был. А не какой-то Кобе. Название придумали. Тьфу!

Митя запрокинул голову. Звезды были на месте – сверкали в вышине. Но луна не появлялась. Скрывалась за облаками. Тоскливо-то как! Он искренне пожалел сам себя. Удивился, когда услышал чей-то отчаянный всхлип. Надрывное рыдание. Словно полоснули мокрой тряпкой по камню. Оказалось, что плакал он сам. Мичман Рябушкин. Слезы градом. Комок в горле. Как в детстве, от горькой обиды. Когда гувернер Жорж оставлял его без сладкого и запирали на два часа в отцовском кабинете.

– Дмитрий, вы ли это? – неожиданно раздалось из тьмы.

– Кто здесь? – всхлипнул мичман. Утер непрошенную слезу. Затрещала осока. Кто-то легко перескочил через канаву. Человек, перескочивший через канаву, щелкнул портсигаром. Пламя спички осветило его лицо.

– Ах, насилу вас отыскал, голубчик. Заплутали?

– Ваше высочество?

– Да, в этих местах, пожалуй, нетрудно сбиться с дороги, – сказал цесаревич Николай. – Хотите сигару?

– Крепкие? – неуверенно спросил Рябушкин.

– Попробуйте. Гаванские. У поручика Берендеева одолжил. И где он их достает?! Изумительные сигары.

– Я, признаться, ваше высочество, таких не пользую.

– Воля ваша. Но вы не стесняйтесь. Покурите. Успокойтесь. Вижу, вы переволновались. Нам бы подумать, как отсюда выбраться. Я вот ума не приложу. А вы?

– Я тоже, ваше высочество, – хлюпнул носом Рябушкин. Он все-таки угостился сигаркой. Курил неумело. И кашлял. Они постояли на краю японской канавы. Рассматривали звезды, проглядывавшие из-за туч. Потом пошли к заборам, тянувшимся за дорогой. Шли по траве. По кочкам, рискуя вывернуть себе ноги. Рябушкин на ходу всматривался при лунном свете в циферблат хронометра. До рассвета оставалось еще добрых три часа.

– Ваше высочество, а правда, что местные разбойники самые лютые? Кто попадется им в руки, тому голову одним ударом меча отсекают.

Николай молча дымил сигарой. Выпускал кольца к черному небу. Было очевидно, что рассказ о похождениях знаменитых разбойников его ничуть не интересует. Рябушкин добавил в пустоту, сожалея, что его не слушают:

– И выкуп им за ненадобностью. Куда им деньги. Рисом да чаем питаются. Минимум потребностей. Самурай должен жить в голоде и холоде. И думать только о своем долге. Или о мести. На крайний случай.

– Кто вам это сказал, Дмитрий? – живо поинтересовался Николай Александрович.

– Как кто? Павел Петрович. То есть, виноват, поручик Берендеев.

– Да-с, – протянул неопределенно цесаревич. И замолк. Стало вновь очень тихо. Потрескивал огонек сигары.

Они шли теперь уже вдоль забора, сплетенного из ветвей какого-то гибкого кустарника или тростника. Вроде малорусского или тына, как в казачьих станицах.

– Забор, как в России, – сказал цесаревич. А Рябушкин поддакнул, расчувствовался и зачем-то выпалил:

– А за медный грош и миску рисовой каши, говорят, эти японцы век самую черную работу исполнят. И предадут кого угодно. И отравят. Скверный народец. Потому что бедный.

– Кто вам это сказал, голубчик?

– Поручик Берендеев.

– Философ, – сказал Николай.

– Простите, ваше высочество, не расслышал.

Цесаревич взмахнул перчаткой. Рябушкин стиснул зубами дымившуюся сигару. Выхватил из-за пазухи записную книжку, карандашик, забежал вперед, попятился пару шагов, преградив неловко путь Николаю Александровичу. Всем своим видом мичман демонстрировал готовность записать мнение цесаревича для будущих поколений (будет что вставить в книгу путевых очерков – решил в этот момент мичман). Японский тын как раз закончился, тропинка резко сворачивала в переулок. Рябушкин не учел этого, и потому внезапно почувствовал, как чей-то острый локоть коснулся его спины. Прикосновение было мимолетным. Но очень неприятным. Рябушкин обернулся. И увидел перед собой невысокого японца в домотканом халате. За его плечами белело кимоно женщины, державшей сундучок.

– Вы заблуждаетесь, господин, – сказал японец по-русски. С легким акцентом. И поклонился. Руки его сжимали круглую палку. Ее можно было бы принять за посох, с каким ходили на богомолье российские нищие. Если бы не манера, с какой держал палку японец. Он держал посох, как меч перед боем. Лезвие готово выскользнуть из ножен в любой миг. Как только владетель меча подвергнется нападению. Спокойное обличье воина, встретившего опасность. И способного даже тонкую и хлипкую бамбуковую трость превратить в безжалостно карающую молнию.

Кофий был безвкусный. Слишком горчил. Отдавал жженой щетиной. Никакого удовольствия. Влас, камердинер князя, божился, что варен кофий по рецепту. Как полагается – три унции на чашку. Молол Влас самолично. Младшему слуге Кондрашке не доверял. Как можно, знамо, важное дело. Зерна из мешка, что третьего дня почат. Из княжьих запасов. Никак щетиной отдавать не может.

Михаил Владимирович далее не стал слушать слугу, махнул нетерпеливо рукой – вон! Знал генерал-майор – старина-старинушка Влас не лжет. Не было такого, чтобы когда огорчил он барина пустяшной леностью, разгильдяйством. Но кофий сегодня утром все равно подали отвратительный.

Его превосходительство вкушал по утрам и в полдень кофий без сахара, без сливок, считая все, что подавали к чаю ли, к кофе ли утреннему в приличных домах высшего петербургского общества, суетой и никчемностью. Излишество губит вкус. С молодых ногтей зазубрил его превосходительство завет старого араба из Тавриза, научившего его готовить и употреблять настоящий кофий. Что понимал в жизни тогда юный корнет Лейб-гвардии Гусарского полка, прикомандированный к дипломатической миссии в Персии? Ничего. Ровным счетом.

И только кофий, благородный напиток, воплощенная мудрость Востока, помог ему. И самих людей познать. Изведать науку управления их страстями и страстишками. Эх, да кем бы он стал, Михаил Барятинский, кабы не кофий тот от старого араба. Вице-губернатором в какой-нибудь Задрыгайловской провинции, откуда скачи до столицы – не доскачешься? Да разве то карьер для столбового дворянина?

Генерал-майор князь Михаил Владимирович Барятинский в сильнейшем нерасположении духа отставил от себя чашку. В начищенном серебряном медальоне, украшавшем белый перламутр чашки, увидел сморщенный, как вареная свекла, багровый нос и такую же багровую лысину, опущенную седой курчавой порослью. Ба. Образина. Да неужто я?

– Зря, эдак и апоплексию дождешься, братец, – сказал носатому господину из медальона Барятинский, расстегивая застёжки сафьянового бювара. Бумаги, хранившиеся в чреве бювара, князь перечитал еще на рассвете. Сразу, как получил первые донесения из порта Кобе. Была среди бумаг и копия полицейского отчета о происшествии в некоем притоне, который назывался пышно – «Сад наслаждений». Некие европейцы, личности которых сразу по задержании установить не удалось, поскольку документов при них обнаружено не было, устроили в притоне форменный погром. Особенно отличился один из них, описание наружности сего господина живо напомнило князю Барятинскому поручика Берендеева. Сей субчик кормил корейца, хозяина заведения, черным перцем до тех пор, пока тот не лишился чувств. Затем тот же субъект переколотил все, какие были, трубки для курения опиума, сломал три скамьи и вышиб столон две перегородки в соседних помещениях. Скамейки он разломал, отбиваясь от пятерых полицейских. Все пятеро пострадали довольно сильно – переломы ребер, рук. У одного японца было надкушено ухо. С помощью своих спутников Аника-воин держал оборону в чулане, откуда и был выбит после короткого рукопашного боя опытными сотрудниками портовой полиции. Барятинский, взявший за правило любое известие семь раз проверять и никому не доверять, решил на всякий случай вызвать для беседы поручика Берендеева. Но отыскать Павла Петровича было нельзя – дежурный офицер доложил, что Берендеев отбыл на берег для продолжения агентурных занятий.

По просьбе цесаревича Берендеев был прикомандирован к наследнику престола для особых поручений. Михаилу Владимировичу характеристика, поступившая из Московского жандармского управления на этого офицера, весьма приглянулась. В ней Павел Петрович Берендеев рекомендовался как отменный стрелок и первостатейный гимнаст – на пари удерживал лошадь и тринадцать человек на помосте в Замоскворецком цирке. Служить Берендеев. Выходец из мелкопоместных дворян Псковской губернии, Берендеев начинал служить Государю на Сахалине, где приобрел уважение местных гражданских и воинских властей. Начитан, знает три европейских и два восточных языка, в том числе и японский. Неравнодушен к питию. Но это уж извинительно. Какая же Русь, господа, без пития? Святого Владимира памятайте.

Отложив до особого рассмотрения перевод отчета японской полиции, Михаил Владимирович перелистал еще кое-какие бумаги. Над ними он задумался крепко. Нешуточные, в самом деле, были известия. Некто Бусяцкий сбежал из каторжного острога, выстроенного на берегу Охотского моря. Сбежал и сбежал. Мало ли народу бежит по матушке-Сибири. Верно. Много. Но не таких, как Бусяцкий, кличка «Аршин», террорист и головорез каких мало. Двадцать лет всего-то, а каков хлыщ: покушение на орловского генерал-губернатора, два побега, членство в четырех революционных кружках. Первый побег с сахалинской каторги – совершенно изумительный. Связанный по рукам и ногам Аршин умудрился загрызть тюремного служителя. Как волк извернулся и перекусил сонную артерию охраннику. От оков освободился и, спрятавшись в тюке с мануфактурой, оказался на борту парохода, с которым и прибыл благополучно в метрополию. Вновь схвачен был Аршин-Бусяцкий через два месяца под Вологдой, при неудачном нападении на кассу взаимопомощи крупного акционерного общества «Канделябр», созданного при поддержке британского капитала. Судьба какого-то беглого каторжника, пусть и выда-

ющихся криминальных талантов, при ином стечении обстоятельств мало заинтересовала бы генерал-майора Барятинского. Но дело было в том, что, как показывали донесения надежных осведомителей, каторжник Аршин стал инструментом в руках некоторых господ, представлявших интересы держав, старательно и подспудно препятствовавших укреплению позиций российской короны на берегах Тихого океана. Перебравшийся в Японию Аршин-Бусяцкий, как было вполне достоверно установлено, имел контакты с пруссаками и британцами. От тех и других он получил кое-какие деньги. Ни много, ни мало, а что-то около пяти тысяч фунтов. Для чего? Об этом и размышлял напряженно Михаил Владимирович. И, все более размышляя, утрачивал свойственный его душе благодный покой. Сорвавшийся с цепей Аршин мог наделать приличного шума. И создать такие трудности, какие грозили бы его превосходительству неминуемой опалой и монаршей немилостью. А там и отставка – не мальчик уже, генерал-майор Михаил Владимирович Барятинский. И капитал на черный день, на случай отставки удалось ему припасти небольшой. Но что капитал без влияния?

Барятинский ужаснулся: если все вышеописанное натворил в «Саду наслаждений» жандармский поручик Берендеев, коему было поручено выполнение важных дел при особе наследника, то кто же тогда занимался охраной царственной особы? Еще более неуютно почувствовал себя Михаил Владимирович, когда ему донесли, что великий князь предпринял поездку на берег инкогнито. И вернулся под утро в сопровождении мичмана Рябушкина. Поручика Берендеева рядом с ним не было. Хотя по инструкции поручик обязан был находиться при особе Николая Александровича безотлучно. Особенно при визитах в зарубежные города и порты.

«Дети, ребяшня дворовая. Никакого степенства. В казаков-разбойников им играть, страсть к авантю», – подумал Михаил Владимирович, вытирая фуляровым платком обширный лоб, вместилище его недюжинного, приученного к ловкой изворотливости ума. И еще решил Михаил Владимирович: может быть, давно бы пора заменить этого Берендеева другим офицером. Но вот беда – не даст цесаревич тронуть этого Павла Петровича. Благоволит. А благоволение будущего государя дорогого стоит. И нельзя тут ничего переменить. Оступишься. Еще хуже будет.

Генерал-майор тронул пуговку звонка, и на пороге его каюты возник Влас. Понурый и безмолвный. Его превосходительство растер пальцем засохшую чернильную кляксу на зеленом сукне любимой конторки, за которой по обычаю дела просматривал. Проворчал камердинеру, не убоявшись солгать.

– Виноват, старина. Душно что-то сегодня. А кофий прекрасный был. Это уж я того, грешен, погорячился.

Влас тряхнул согбенным плечом. Забубнил треснутым голосом в отместку.

– Вот и я... ваше превосходительство. Как можно было. Щетиной... Выдумали. Да чтоб я... Щетиной...

– Мир, мир... Он, слышь, получше худой ссоры. А чего, нам старикам, друг на дружку дуться. Ты мне вот что скажи.

– Чего прикажете, ваше превосходительство?

– Мичман Рябушкин почивать изволит небось. После ночных-то бдений.

– Никак нет, Михаил Владимирович. На верхней палубе стишки сочиняют.

– О чем же? – удивленно вскинул кустистую бровь Барятинский.

– О красоте какой-то. Про серебряные цветы. Про балалайку.

– Балалайку?

– Ну-с. Вроде того. Японскую балалайку. Девушка, вишь, на балалайке брэнчала. А мичману шибко понравилось. Вот теперь и стихи про то складывает. Зацепило парня.

– Значит влюбился.

– Может и так, ваше превосходительство, – степенно, но с участием к трудному положению мичмана согласился Влас.

– Чудесно, – вздохнул генерал-майор, – этого нам еще только не хватало для полноты картины. Роман с куртизанкой. В стиле Пьера Лоти. Давай-ка покличь, старина, ко мне этого Байрона. Мне порасспросить бы. Получше. Ступай.

Влас уж чуть с места не сорвался, бросаясь выполнять важное поручение, как его превосходительство остановил камердинера.

– Э-э, постой, старина. Прежде мундир подай.

– Слушаюсь, ваше превосходительство.

В прочие дни Михаил Владимирович Барятинский не обременял себя ношением увешанного орденами и лентами парадного сюртука. Климат южных морей не благоприятствовал ношению полной формы по причине влажности и высокой температуры. Но, отправляясь на встречи с цесаревичем, генерал-майор старался держаться фрунтовой выправки. А без мундира что за почтение к членам императорской фамилии? Так, баловство, а его-то не мог себе позволить истый служака. Да и речь во время этой встречи, до которой оставалось не более получаса, намеревался повести князь о вещах крайне весомых для будущего политики Российской империи на Дальнем Востоке.

Барятинский щелкнул полированным ногтем по вчерашнему номеру местной газеты. Он привык внимательно изучать мнение прессы. Ведь что у прессы на языке, то у политиков могло быть и на уме. А писала японская газета вещи несообразные, задиристые, утверждая с апломбом: «В Европе Россию можно сравнить с рыкающим львом или разгневанным слоном, тогда как на Востоке она подобна ручной овечке или спящей кошке... Те, которые думают, что Россия способна кусаться в Азии, как ядовитая змея, похожи на человека, боящегося тигровой шкуры потому только, что тигр – очень свирепое животное». Вот так, не больше и не меньше.

По счастью, есть при дворе микадо разумные головы. Старый князь Тода – фигура влиятельная. Приближенный самого японского императора и принца Арисугава. Судя по рапорту епископа Николая Касаткина из Токио, князь Тода здраво способен рассуждать о политике, ее течениях. Оказывает покровительство российским, не германским и британским, а именно российским миссионерам, торговым людям. Немало постарался ради воздвижения в Токио православного собора. Через таких вельмож, как этот Тода, сподручно российский интерес отстоять. Да, непременно, непременно следует побывать у него с визитом. Под благовидным предлогом. И с наследником престола, цесаревичем Николаем, разумеется.

Барятинский вздохнул. Он досконально изучил настроения японских кругов. Увы, не все фигуры на японской шахматной доске, к сожалению, были окрашены в цвета российского триколора. Далеко не все.

Соломенная шляпа скрывала верхнюю часть лица монаха. Едва он вступил на кедровый пол покоев князя, как властитель Тода стремительно подался вперед, припал к циновке в нижайшем поклоне.

– Ваше высочество, принц Арисугава, – приветствовал вошедшего старый князь, всем своим видом показывая, что потрясен до глубины души визитом высокого гостя. Паломник снял шляпу, и поклонился князю.

– Мир вашему дому, светлейший Тода. Я осмелился побеспокоить ваше уединение, чтобы передать свиток.

– Послание сына Неба? – вежливо изумился князь, не решаясь прикоснуться к деревянному ларцу с золотой хризантемой, инкрустированной по черному лаку.

– Его величество император Мэйдзи прислал меня к вам, зная о том, какие великие услуги вы оказали царствующей династии, – учтиво сказал принц Арисугава.

– О, мои усилия ничего не стоят. Я недостоин чести, оказанной мне его величеством, – все так же вежливо, но твердо и жестко сказал князь Тода, кланяясь еще раз. Уже не так низко, как при появлении принца. Князь и принц Арисугава долго обменивались вежливыми приветствиями. Каждый жест, каждое слово должно было свидетельствовать о неизмеримой глубине почтения, которое испытывали князь и принц друг к другу. И к его величеству императору Мейдзи. Но с каждым поклоном князь, несмотря на всю учтивость, изысканность манер, становился все строже. И в голосе его звучало все больше металлических ноток. Восторженную почтительность сменяла строгая деловитость. Наконец, будто по команде, принц и князь замерли. Они будто превратились в каменные садовые изваяния. Их глаза были широко раскрыты. Оба молчали, прислушиваясь к стону ветра в ветвях сосны. Потом принц заговорил. Медленно. Отрывисто. Взвешивая слова.

Он говорил о том, как изменилась жизнь Японии за последние десять лет. Преобразована на новой основе армия, создается паровой флот. Вскоре мощная сеть железных дорог свяжет все города страны. Япония займет принадлежащее ей по праву место среди мировых держав. Новое солнце взошло над страной, безмерны благодеяния императора, дарованные его народу. Князь согласно кивнул и приложил ладонь к груди.

– Император Мейдзи помнит о том, что участь великого сражения решили ваши войска, князь. Именно благодаря вашей своевременной помощи законной власти удалось сокрушить бунтовщика Сайто Таори.

Князь вновь кивнул. И вновь приложил руку к сердцу. Арисугава поклонился. Продолжал. Проникновенно. С чувством. Казалось, поручение императора неизмеримо вдохновляет его, заставляя говорить о порученном ему деле самым высоким слогом.

– Император ценит вашу скромность, князь. Вы отказались от предложенного вам места в правительстве его величества.

Князь согласно наклонил голову. Так оно и было. После подавления восстания Таори он действительно отверг пост в созданном императором военном министерстве, сославшись на возраст и нездоровье. Арисугава выдержал паузу. Долго сидел неподвижно. Опустил веки. Князь выжидал.

– Император надеется на вас, князь. И на вашу мудрость, – сказал Арисугава, не поднимая век. Словно ему было неловко увидеть в этот миг, как в узких рысьих глазах владетеля Тода вспыхнуло быстрое желтое пламя.

– Какой же мудрости ожидает от своего покорного слуги великий Мейдзи? – неспешно спросил князь.

– Самураи вашего додзо непобедимы.

– Это так.

– Они способны сражаться с десятками врагов. Лучшие из них могут воспарять над схваткой силой духа. Как птицы. Их мечи остры. Как и мысли.

– Здесь нет ошибки. Ваше высочество.

– Ваши воины проникнуты мудростью дзен.

– Благодарю вас за столь лестную оценку, ваше высочество, – неустанно кивал Тода, прищурившись: солнечные зайчики, выскочившие из-за решетчатых седзи ослепили его. Он все ждал, чем же завершит свои речи принц Арисугава. И принц завершил.

– Вот почему его величество император полагает, что вы способны произвести самое благоприятное впечатление, – сказал Арисугава и вновь заставил князя прищуриться – Тода не любил столь долгих восхвалений.

– Впечатление? – удивленно переспросил князь.

– Здесь нет ошибки, князь.

– Впечатление. На кого же?

– На варваров. Их корабли сегодня утром пришли в порт Кобе, – сказал принц Арисугава, взметнув решительно веки. Взгляд его вонзился в старого князя острой иглой.

– Я рад, что император решил принять в Японии наследника русского престола. Союз с Россией укрепит Японию и власть императора.

– Поэтому, князь, император решил, что лучший из ваших воинов должен стать телохранителем сына властителя северных варваров.

Князь Тода припал к циновке, низко поклонившись принцу, когда он упомянул имя Мэйдзи. Князь выпрямился и сказал:

– Благодарю императора Мэйдзи, подобного солнцу, за оказанную нашему клану честь. Передайте императору, досточтимый принц, что я позаботился о подготовке нужного воина.

Тода молча посмотрел в лицо принца. Арисугава сказал:

– И все-таки он?

– Его отец заблуждался. И не всегда правильно понимал замысел великого императора Мэйдзи, превратившего Японию в цветущий сад. Это правда, принц. Но в сердце его отец хранил память о долге самурая и святости династии Мэйдзи. Недаром он ушел из жизни, потерпев поражение в битве с Таори.

– У него есть брат. Мито.

– Да.

– И брат его, мне известно, знаком с сомнительными людьми.

– Таких людей всегда немало в портовом городе, принц. Но это ничего не значит.

– Мито изгнали из городской полиции Кобе.

– Мито слишком своенравен. Это правда, ваше высочество.

– К тому же неизвестно, на какие средства он живет.

– Известно. Я помогаю Мито.

– Вот как?

– Но он не знает. Он думает, что это пенсия его отца.

Арисугава поклонился князю.

– Вы очень щедры, князь.

– Щедрость – добродетель самурая, идущего по правильному пути.

– Это так, – согласно кивнул принц Арисугава и сказал:

– Простите, князь, вы, безусловно, гораздо мудрее и старше меня, и вы способны рассеять мои сомнения. Сможет ли человек не отклониться от пути, если путь к просветлению для него преградит высокое чувство.

– Братская любовь?

– Вы читаете мои мысли, князь.

В ответ князь Тода позволил себе мягко улыбнуться. И улыбка казалась странной, постоянной на его суровом и жестком, исполосованном морщинами, старческом лице. В проеме окна князь увидел, как на ветвях сосны прыгает трясогузка. Крохотная бойкая птичка с дрожащим хвостиком. Князь Тода спросил принца:

– Почему эта птичка оказалась здесь, ваше высочество?

Арисугава улыбнулся. Его лицо осветилось упавшим из окна солнечным лучом.

– Ее принесли сюда ее крылья.

– Чтобы она могла беззаботно порхать с ветки на ветки?

– Конечно, князь.

– Вот видите, ваше высочество. Птичка повиновалась своим крыльям. А самурай?

– Я, кажется, понимаю вас, князь, – сказал Арисугава. – Мне не остается ничего иного, как только одобрить ваш выбор. Примите еще раз благодарность великого Мэйдзи.

В озерной глади отражались горы, встававшие на востоке вереницей голубоватых, окутанных серебристой дымкой, пирамид. Северную сторону озера окаймлял густой сосновый лес, а южный берег был равнинный, плоский, как японская фарфоровая тарелка, расчерченный на манер топографического плана юнкера Михайловского инженерного училища правильными прямоугольниками рисовых полей, крошечных садилов, дальних и ближних селений. Берег был открыт ветрам, долетавшим сюда с океана слабыми, неспособными прогнать жару, которая после полудня усилилась неимоверно.

– Прекрасный вид, не так ли, Павел Петрович, – сказал наследник российского престола Николай Александрович.

– Поэзия чистейшая, пейзаж так и просится в стансы, – ахнул мичман Рябушкин. Николай Александрович мягко улыбнулся, а поручик Берендеев буркнул нечто маловразумительное, обмахиваясь фетровой шляпой. Замечание наследника престола насчет красот тутошних эспланад к его роду занятий прямого отношения не имело. Потому поручик счел за лучшее промолчать. Да и говорить на такой жаре ему не было никакой охоты. Мозги плавилась, что вологодское масло на сковородке, а официальная часть визита еще никоим образом не близилась к концу.

День этот был поручика особенно утомительным. Спозаранку кортеж наследника российского престола побывал во владениях князя Тода. Князь Барятинский, несмотря на дальность пути, настоял не отменять этот пункт программы официальных церемоний. Наоборот, Барятинский приказал своим подчиненным как можно усерднее способствовать сближению русских и японских официальных лиц. Поручику Берендееву, прикомандированному в качестве офицера охраны к особе цесаревича, Барятинский рекомендовал обращать внимание Николая Александровича на своеобразие местных обычаев и нравов. Павел Петрович подумал, что такой приказ он получил от его превосходительства в отместку за свои ночные похождения.

От генерала Павел Петрович получил основательную взбучку за ночные художества в порту. Генерал стучал по столу массивной чернильницей, извергал, подобно вулкану Кракатау, ведомые и неведомые Берендееву площадные ругательства. Обвинял Павла Петровича в манкировании державными интересами и обзывал государственным преступником. Поручику отпираться не было никакой возможности. Как можно соблюдать приличия, когда трясут перед носом бумажками, к стенке притискивают показаниями желторотых и несмышленных щелкоперов. Мичман Рябушкин все подробности генералу выдал. И про девиц японских, про сямисен и саке, про то, как наследник престола оказался в порту без охраны. Благо, их высочество Николай Александрович заступились. Иначе не миновать отставки без выслуги.

Берендеев недобро покосился на мичмана Рябушкина. Поэт! Да таких поэтов к стоящим делам на пушечный выстрел не подпускать – опошлят, оболгут и олухом распоследним тебя же, благодетеля своего, выставят на посмешище. И еще хуже – на поругание. А все оттого, что пить не могут. И не умеют-с. Ишь, расфуфырился!

«Пить! Да, пить надо умеючи всегда. Что водку, саке или араку, а уж шампанское и подавно,» – Павел Петрович жадно облизнул пересохшие губы и горько пожалел, что не захватил с собой походной фляжки. Он неистово мучился жаждой после ночных ознакомлений с японской экзотикой. Экая пытка – в ста шагах от озера страдать с выжженным зноем горлом и нести службу. А вокруг, как назло, ни одного кафешантана, ресторации, трактира! Ни одной палатки с сельтерской – на худой конец.

Мало того, что пришлось Павлу Петровичу спозаранку особенное усердие являть, так еще и муку телесную претерпевать за разговорчивость какого-то юнца перед начальственным лицом. Служба-с! Во время оной приказы его превосходительства не обсуждают, а выполняют. И поручик решил в день официального визита в грязь лицом не ударять.

Старался Берендеев. Переводил цесаревичу, как мог, приветственные речи. Цветисто и высокопарно, велеречиво говорили старый князь Тода и принц Арисугава. Для российского

наследника прямо на дворе под гулкие удары барабанов самураи кружились в старинных боевых танцах. Они помахивали громадными веерами и бренчали пластинками стальных доспехов, скакали на лошадях, соревнуясь в ловкости. Сам принц Арисугава гарцевал на прекрасной англазированной кобыле, увешанной золотыми побрякушками. Принц был горазд стрелять из лука в соломенный тюфяк, который волочил перед ним скакавший на горячем жеребце наездник. Ни одна стрела, посланная принцем Арисугава, не миновала цель – традиционное самурайское действие называлось «погоня за собакой».

Мичман Рябушкин, напряженно следивший за тем, как поражал японский принц стрелами соломенный тюфяк, вскрикнул в сердцах:

– А что б тебя разорвало!

Мичман рванулся к ограде. То ли перегрелся на утреннем солнце Митя, то ли вчерашнее саке вновь напомнило о себе. Но лихого мичмана у самой ограды ристалища удержала твердая рука цесаревича. Испытать счастье на конном ристалище японцы тут же предложили и русским гостям. Цесаревич Николай был готов самолично молодецки перемахнуть через ограду арены и вскочить на коня. Но от этого поступка его в свою очередь удержал генерал-майор князь Барятинский.

Цесаревич, конечно, огорчился. Но виду не подал. Поручик Берендеев политично кашлянул. И странно как-то кашлянул. Будто не одобрял поступка его превосходительства. Николай Александрович нерешительно посмотрел на арену, куда уже слуги старого Тода выводили свежего, оседланного по-драгунски, на прусский манер скакуна. И сказал поручику:

– Хвастают японцы. И мы не хуже. Хотите пари, Павел Петрович? Не одолеть вам Арисугаву!

– Мне? Да я... – рявкнул зло Берендеев и покраснел натужно. Цесаревич добавил. Как гвоздь вколотил:

– Портсигар ставлю. Сандаловый.

– Сандаловый? – замялся, опомнившись от горячности, поручик. Он заметил, как генерал-майор Барятинский степенно расправил бакенбард и дрогнул бровью. «А, чтоб мне провалиться, не сладилося, так не сладилося!» – расстроился Павел Петрович. Он подумал, что его превосходительство вновь холку ему намылит за небрежение к инструкции. И вновь из-за этого подлеца мичмана. Но поручик уже стремительно утрачивал остатки благоразумия. Знал Павел Петрович, что спорщиком наследник престола Николай Александрович был отчаянным. Может быть, таким же страстным, как британский принц Джордж, с которым Николай частенько бился о заклад. При переходе из Индии на Цейлон Николай и Джордж поспорили о высоте пирамиды фараона Хеопса, на которую восходили в Египте. Мол, кто поточнее угадает. Мичман Рябушкин о споре прознал первым и, просидев безотлучно в кают-компании три дня, целую диссертацию настроил о способах геометрических измерений пирамид. Доктор Бэнс предлагал определить высоту пирамиды Хеопса путем химического анализа песка пустыни, которая за столетия, как утверждал Бэнс, значительно уменьшила первоначальную высоту египетского «чуда света». По телеграфу Берендеев навел справки в Британском музее, в Российской академии наук. Оказалось, что прав оказался цесаревич Николай. Его гипотеза оказалась ближе к истине, чем домысел принца Джорджа.

– Так что же вы, Павел Петрович? Сдрейфили? – усмехнулся Николай. Поручик понял, что придется не посрамить ему земли Русской.

– Отчего же? Мои сигары... Гаванские... десяток... против... э – э, – Берендеев выпучил рачьи глаза. Напыжился. Крутанул ус. Выпалил. – Против портсигара вашего высочества. Сандалового.

Поручик перемахнул через ограду арены, почтительно принял у слуги повод. Он укоротил стремена, заставил коня пройти шаг, а затем одним прыжком вскочил в седло и помчался на середину ристалища. Вскоре Павел Петрович уже натягивал тетиву, скакал

во весь опор, отважно бросив поводья и по-казачьи поджимая к луке седла колени. Тугой самурайский лук поручик согнул с такой силой, что костяная накладка отлетела прочь. Сорвавшаяся с тетивы стрела пробила тюфяк и вонзилась со свистом в доску ограды. Выпустив весь запас стрел, большая часть которых угодила в цель, поручик вошел в раж, отбросил лук и пустил коня по кругу вдоль изгороди. Поручик разгорячил коня. Жеребец закусил удила и шел бешеным галопом, а поручик прямо и спокойно сидел в седле, как влитой. Он откинулся назад, элегантно откинул поводья, освободил из стремян ступни, швырнул свое плотное тело фантастическим сальто-мортале ввысь и замер, выгнувшись свечой, головой вниз, балансируя на одной руке на лошадином крупе. Павел Петрович вновь оказался в седле, описал, лошадь не переставала галопировать, еще один круг, а потом стал выделять невообразимые акробатические номера, чистоте исполнения которых могли бы позавидовать самые искушенные в вольтижировке циркачи, лучшие наездники лейб-гвардии Казачьего полка или Собственного Его императорского Величества конвоя.

Принц Арисугава, князь Тода, а вслед за ними и самураи их свиты преклонили головы перед такой удалью и мастерством, князь Барятинский, улыбаясь радостно, что-то нашептывал цесаревичу, когда поручик Берендеев закончил экзерсисы и возвращался победно к своему месту на галерее. Цесаревич Николай Александрович душевно обнял поручика. Долго взволнованно тряс его широкую ладонь и благодарил за искусство.

– Спасибо тебе, милый Павел Петрович. Уважил! Выиграл пари! Молодчина!

Цесаревич долго тряс железную руку Павла Петровича, усталого, но веселого. Вручил ему портсигар незабвенный сандаловый, украшенный вензелем. И мужественный взор Павла Петровича блеснул непрошенной слезой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.